

Владимир Сонин

Наполеон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Сонин

Наполеон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70075177

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ "Наполеон" из сборника "Записки городского сумасшедшего"

Владимир Сонин

Наполеон

Так складывались обстоятельства, что я долго не виделся со своими друзьями Юджином и Даниловым. Как это всегда бывает, то работа, то семейные дела, то еще что-то. И уже думал, что нужно бы в какие-то из ближайших выходных встретиться. А тут случился неожиданный повод увидеть их, да так совпало, что сразу обоих.

А повод был такой, что купил я себе новую машину. Хорошую. Старая-то была тоже ничего, но эта лучше. Да и почему, собственно, была? Я ее жене отдал. Так что стали мы жить, можно сказать, как олигархи: у каждого свой автомобиль. Ну, и на другой день после покупки возвращаюсь вечером домой после работы на новой машине и думаю: дай-ка заеду к Юджину, похвастаюсь. Звоню ему. Он дома. Говорю: «Я тут машину купил». Он: «Приезжай, щас посмотрим». Через пять минут я заезжаю во двор его дома, сижу жду.

Выходит он не один, а вместе с Даниловым, и начинают они вдвоем шарить глазами по всему двору, меня не замечая, хотя я стою совсем рядом. Я сигналию, машу рукой из окна. Они увидели. Подходят. Юджин со словами «Нихуя себе!» садится вперед, Данилов назад. Здравуемся.

Юджин произносит одну из своих стандартных фраз, употребляемых в ситуациях, когда нужно выразить восторг:

– Бля... Вован...

Дальше он расспрашивает о характеристиках и рассуждает о том, что в «такой тачке хорошо баб катать», а Данилов, натура более меркантильная, – о стоимости и расходе топлива. В итоге Юджин говорит:

– Давай Данилыча домой отвезем, по дороге и поговорим.

Я звоню Кате, говорю, что мы с ребятами немного прокатимся (чтоб предупредить, что вернусь позже обычного). Юджин гладит кожаную панель:

– Ну чё, Вован, писька растёт...

– Так не мальчики уже, – отвечаю.

И мы едем. Спрашиваю, как у них дела. Данилов говорит, что делает ремонт в новой квартире и что этот ремонт по каким-то причинам затягивается. Юджин ехидно замечает:

– Затягивается, потому что ты жопошник.

– Сам ты жопошник, – отвечает Данилов.

– Тебе, может, помочь плитку поднять?

Здесь Юджин намекает на историю десятилетней давности, когда Данилов делал ремонт в другой своей квартире и, решив сэкономить на грузчиках, попросил нас помочь занести в квартиру несколько ящиков керамической плитки. И носить-то нужно было бы не много (от машины до лифта и потом от лифта до квартиры), и быстро бы мы управились, если бы не случилось то, что всегда происходит в подобных случаях по закону подлости, – сломался лифт. А поскольку квартира находилась на десятом этаже, времени потратили

мы уйму и устали как собаки.

После этих шуток Юджин спрашивает, как у меня дела, куда я пропал и все такое.

– Да так, – говорю, – ничего особенного. Работаю. Да еще искусством занялся.

– Иску-у-усство, – тянет Юджин и потом спрашивает: – Чё за искусство?

– Роман пишу. Психологическое порно.

– Ты вон его главным героем сделай, и пусть там баб окучивает, – язвит Данилов.

– Для Юджина у меня рассказы будут. Он сильно непостоянный для романа, – отвечаю я.

Юджин призадумывается и, как будто решившись, заявляет:

– Кстати, господа, а насчет искусства я вам сейчас расскажу!

– Ты про эту, что ли, свою... – начинает Данилов.

Но Юджин его тут же перебивает:

– Ты погоди! Вован же не знает. Да и ты – не всё. Щас. Значит, познакомился я тут с одной. Короче, она деятель искусств. Сперва вроде ничего так в первый день было. Приехала она ко мне, несмотря на всю свою культуру. Выпили мы. Наутро думаю: вроде более-менее все прошло. Жопа у нее нормальная такая. А вот дальше... Может, и сразу у нее эти замашки были. Не помню. Но, короче, через пару дней начала она мне втирать про исследования личности и путь

настоящего человека...

– Настоящего – то есть не тебя, – вставляет Данилов.

– Да, настоящего, бля, – продолжает Юджин. – Темы свободы, тотального рабства из-за работы и все такое. Короче, смотрю на нее и думаю: что-то ты не то пиздишь, подруга.

– У нее работа есть? – спрашиваю я.

– Да хер ее знает. Говорила, что есть. Но я чё-то не заметил. Хотя точно не знаю. Мы слишком быстро расстались. Ну короче, вот. Сама она такая типа умная, типа в искусстве понимает...

– И в литературе? – спрашиваю.

– А как же! Надо было вас познакомить. Только тогда ты бы свой порнороман никогда бы не дописал.

– Это почему?

– Да потому что заебала бы. Вот слушай. Типа такая умная, в высоких делах шарит, причем во всех. Короче, и в музыке, и в кино, и в живописи, и в литературе. Посмотрела она на мои книжки, ну, которые дома, и говорит, что это дерьмо. Я бы такое, мол, не купила. Слабые они. Как так, говорю, слабые? Вроде нормальные. Люди уважаемые писали. А она: люди эти – дерьмо, говорит, такое же, как и их книги. Удивительно, думаю. Но это еще только начало. Дальше интереснее. Короче, развлекаемся мы с ней ночью, утром я ухожу на работу. Она остается у меня. Сказала, что ей никуда идти не надо, потому что она типа в отпуске. Прихожу вечером, спрашиваю: что делала? Я, говорит, творила. Что творила?

А творила она, Вован, по твоей части. Литературу. Дает мне бумажку. Прочитал. Я не великий знаток, но от первых же строк меня перекосило.

– Признание в любви, надушенное и с отпечатком губ, – уточняет Данилов.

– Если бы. Короче, там такое! Бля. Говорю, я не знаток, но в школе-то я учился... – Здесь надо уточнить, что Юджин окончил школу с медалью, как и я, и на деле мы были куда меньшими дебилами, чем из себя изображали. – Там, короче, инфантильный бред про все ту же справедливость, поиски, рабство, страдания, настоящих людей и прочее. И мало того что бред, так еще и написано безграмотно. Ни тебе орфографии, ни пунктуации, ни падежей. И возмутило даже не это. Хер бы с ним. Когда она других обругала, я подумал: наверное, сама-то чё-то может. А хер там плавал!

– Ну, этим ты не удивил, – говорю, – таких полно.

– Да. Но слушай дальше, а то уже подъезжаем. Короче, на другой день прихожу, а у нее вся рожа раскрашена фломастерами. Я спрашиваю: это чё такое? Она мне опять: я творю. Я, говорю, вижу. Нет, говорит, не видишь, и дает мне телефон. Короче, наснимала она кино. В котором тоже шарит будь здоров, если ее послушать.

– Порнушку сняла? – смеется Данилов.

– Ага, щас, – отвечает Юджин. – Там те же самые рассуждения, только еще и с видео. Ну, думаю, ладно, с кем не бывает. У каждого свои развлечения. Но зато я три дня уже с

телкой. А потом началось самое интересное. Проходит еще немного времени, и я чувствую: вроде что-то не так. И с каждым днем все сильнее. Спрашиваю дня через три, когда она спать ложится, аккуратно так: дорогая, а ты в душе была? А она мне: я исследую восприятие своего тела – такого, какое оно есть. Естественного ее тела, понимаешь ли. И решила не мыться. И не бриться.

– Говорят, Наполеон любил такое, – говорю я.

– Ты ей эту песню «Ленинграда» включи, ну ту, – говорит Данилов, имея в виду композицию «XXX» (чрезвычайно похабную песню о необходимости гигиены). Мы его, конечно же, сразу понимаем, потому что с ней связана отдельная, хотя и короткая история.

– Ага. Сказал я, короче, ей, что я не Наполеон. Если чё. Она ответила, что ни черта я не понимаю, а раз не люблю ее волосатые подмышки и все другое, а также ее естественный запах, то не люблю саму природу. А раз я не люблю природу, то и в искусстве ничего не смыслю, а значит, бестолочь я редкостная и вообще зря все это со мной.

– А ты знаешь, – говорю я, – в чем-то она права. Я вот вчера читал Карамзина, и он пишет в одной своей статье (или на кого-то ссылается, не помню), что искусство – это стремление подражать природе. Так-то. Она-то понимает. А не каждый понимает. А ты, Юджин, невежественное необразованное животное.

– Я, Вован, ее с тобой познакомлю. Будете друг друга об-

разовывать.

– Как же мы ее поделим?

– А никак. Она ушла. В тот же вечер погрузилась в депрессию, а утром, когда я проснулся, ее уже не было. Дверь квартиры нараспашку, и бутылки виски нету. Бутылка, правда, начатая была. Но все равно жалко.

– Чё за виски-то был? – спрашивает Данилов.

– «Макаллан» восемнадцатилетний. Хороший.

– Мажор ты.

– Почти как Наполеон... И хоть бы дверь закрыла! Ночью мало ли что. Вот вообще мозги есть?

– А это чтоб ты искусство лучше понимал. Единение с природой чтоб. И книжки чтоб сильные читал. И кйна смотрел. И развивался, – говорю я.

Мы останавливаемся около дома Данилова. Юджин говорит:

– Открой-ка капот, Вован.

– Зачем?

– Посмотреть хочу.

– А что там смотреть?

– Ты чё? Все пацаны под капот смотрят.

– Специалист, – намеренно исказив слово, насмешливо произносит Данилов.

– Наполеон, хули, – говорю я.

Мы выходим из машины. Я поднимаю капот. Мы стоим и пялимся на работающий двигатель и прочее, что находится

под капотом, хотя совершенно ни в чем этом не разбираемся.